

Mrázek, Roman

Славянский синтаксический тип "мне нечего читать"

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1972, vol. 21, iss. A20, pp. [97]-105

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100885>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РОМАН МРАЗЕК

СЛАВЯНСКИЙ СИНТАКСИЧЕСКИЙ ТИП „МНЕ НЕЧЕГО ЧИТАТЬ“

1. При сравнительном изучении синтаксиса простого предложения славянских языков обнаруживается, что особенно в сфере конструкций с глаголами *esse — habere* они во многом структурно отличаются друг от друга.¹ Одно весьма интересное семантико-формальное поле в рамках этих построений и создается нашим типом (*Мне, тебе...*) *нечего (было, будет, было бы) читать*, положительная разновидность которого звучит (*Мне, тебе...*) *есть* (*// было, будет, было бы*) *что читать*.

2. При беглом взгляде можно было бы весь тип предварительно разделить на четыре основных варианта, в зависимости от аффирмативного /негативного общего статуса, как и от эксплицитности /имплицитности указания на лицо, могущее или не могущее совершать соответствующее действие. Их семантические инварианты следующие:

В аффирмативных предложениях выражается осуществимость некоторого действия, наличие условий для его реализации (*Есть чего бояться, Мне было на кого надеяться, Нам будет где переночевать*), между тем как отрицательные предложения исключают возможность его осуществления (*Нечего бояться, Мне не на кого было надеяться, Нам негде будет переночевать*). В обоих случаях, в свою очередь, сообщаемое содержание или просто мыслится безотносительно к потенциальному производителю (*Есть где сидеть, Не к кому обратиться*), или же оно эксплицитно „присваивается“ некоторому производителю, в силу чего устанавливается своеобразное отношение принадлежности (пертиненции) или собственности (поссиденции) (*Мне есть где сидеть, Ему не к кому было обратиться*, чешск. *Mám kde sedět, Neměl se na koho obrátit*).²

2.1. Углубленное рассмотрение данных конструкций, однако, выявляет, что необходимо считаться еще с одним промежуточным, особым подтипом в положительном и отрицательном вариантах: *Есть кому пахать, Некому было воспитывать меня*. В других славянских языках его специфичность дает себя знать еще ярче, чем в русском, ср. чешск. *Má kdo orat, Neměl tě kdo vychovávat, Nemá tě co mrzet* и т. п. Это связано с происхождением всех описываемых конструкций в целом — их диктальное ядро восходит к делиберативным вопросам, содержащим инфинитив или его функциональное описательное соответствие *да +* финитный глагол, как убедительно доказал чешский языковед Й. Зубатый.³ Например: *Что читать?, Куда пойти?, На кого надеяться?* → *Есть что читать, Было куда пойти, Есть на кого надеяться; Не есть, что читать > Нѣсть, что*

читать > *Нечего читать*, подобно *Не было куда пойти* > *Некуда было пойти*, и т. д. В восточнославянских языках, в отличие от других, старинные славянские инфинитивные конструкции с выраженным дательным падежом производителя действия до сих пор занимают системное место, благодаря чему возможны также и делиберативные предложения вроде *Кому пахать?*, *Кому воспитывать меня?*, и отсюда получается наш подтип *Есть кому пахать*, *Некому было воспитывать меня*.

Но в большинстве остальных славянских языков подобные инфинитивные построения с эксплицитным дательным падежом деятеля вышли (полностью или почти) из употребления. В результате того возникает своеобразное положение тогда, когда вопросительным словом в первоначальном делиберативном вопросе выступает местоимение *кто?* / *что?* в роли десигнатора производителя действия. Так, в чешском языке можно сказать: *Kam jít?*, *Co (= вин. пад.) dělat?*, однако нельзя сказать **Komu (= производитель) orat?*, подобно как неотмеченными оказываются и построения вроде **Kam nám jít?*, **O čem mi bylo vyprávět?* Разумеется, не существуют и гипотетические высказывания типа **Kdo orat?*, **Co mě mrzet?*

2.2. Таким образом, в одном и том же парадигматическом ряду глубинной структуры в чешском языке (и в некоторых других языках) выступают следующие построения:

- а) *Je co číst*
- б) *Nebylo kam jít*
- в) *Nebude čím zaplatit*
- г) *Má kdo orat*
- д) *Nemá mě co mrzet*

С другой стороны, в поверхностной структуре этот промежуточный подтип „экзистенциальных предложений“ с глаголом *habere*, представленный двумя последними примерами г) и д), сближается с остальными „посиденциальными предложениями“, содержащими тот же глагол; ср.

- г) *Má kdo orat*
- д) *Nemá mě co mrzet*
- е) *Mám co číst*
- ж) *Neměli jsme se kde schovat*

Существует здесь, однако, еще одна тонкая различительная черта: конструкции е) и ж) могут изменяться по лицам (*Máš, máme, bratr má co číst*), а конструкции г) и д) не подлежат такому изменению.

2.3. В результате вышесказанного целесообразно в дальнейшем пользоваться следующей типовой трихотомией:

- I. аффирм. *Есть (|| было...) где сидеть*
негат. *Негде (было...) сидеть*
- II. аффирм. *Есть (|| было...) кому пахать*
негат. *Некому (было...) пахать*
- III. аффирм. *Мне есть (|| было...) что читать*
негат. *Мне нечего (было...) читать*

3. Встает вопрос: какое органическое место должно было бы занимать описание нашего типа в трансформационно-порождающем синтаксисе, направленном на широкие межславянские сравнительные перспективы? Нами был уже разработан детальный проект систематичес-

кого описания всех структурных типов простого глагольного предложения в славянских литературных языках, с учетом трансформационно-порождающей методики. Нет сомнения, что данный тип представляет собою сложное явление, которое весьма трудно поддается однозначному отнесению в ту или другую рубрику. Сущность нашей общей концепции структурных типов зиждется на 3 точках зрения: 1) Для сравнительных целей полезно исходить не из поверхностных структур (т. е. из формы), а из глубинных структур (т. е. из содержания, отражающего определенные денотативные отношения). 2) Необходимо строго отличать друг от друга исходные, первичные построения от всякого рода производных построений (деагентивных, квантифицирующих, модальных, фазисных и т. д.). 3) Целесообразно также учитывать противопоставление однобазисных и двухбазисных структур. Согласно этому, весь инвентарь однобазисных исходных структур можно делить на такие, в которых наличествует (хотя бы лишь имплицитно) производитель признака („эffiциент“, напр. *Ученик пишет, Ученик болен*), или же не наличествует (напр. *Стемнело, Было жарко*); в первом случае выгодно подразделять предложения по предметному характеру преддицируемого признака: им может являться процесс, посидения (обладание и принадлежность), экзистенция, качество и количество.⁴

3.1. Итак, наш тип *Мне нечего читать* можно было бы, вне всякого сомнения, истолковывать и как двухбазисный — матричным предложением выступает отрезок с экзистенциальным глаголом *esse* (в других языках *habere*), а конститутивным предложением будет делиберативный вопрос. Как известно, все делиберативные вопросы такого рода модально маркированы, почему и направивается возможность отнести весь тип к числу модальных производных структур. На самом деле же речь идет не о „модализации“ преддицируемого признака, а просто о наличии или принадлежности кому-либо модализованного диктального отрезка.

3.2. Еще один момент осложняет все дело. Рассматриваемый тип в некоторых своих частных формальных реализациях, несомненно, входит в широкие рамки т. наз. деагентивности, т. е. в ту область, которая характеризуется устранением эffiциента признака с позиции грамматического подлежащего.⁵ Если признавать деагентивными, между прочим, построения вроде *Мне не спится, Куда нам идти?, Что мне было читать?*, то тем самым туда же должны быть отнесены также и предложения *Некуда было идти, Мне есть что читать*.

Окончательное решение этой проблематики пока что нам представляется открытым.

3.3. Сознвая все эти частные интерпретационные затруднения и считаясь с многообразием существующих формальных коррелятов по отдельным славянским языкам, мы предлагаем в сравнительном синтезе выделить рассмотрение данного синтаксического типа в пределах исходных структур с эffiциентом, поместив его за раздел о способах выражения посидения и экзистенции. Притом, по чисто прагматическим причинам, выгодно было бы не отрывать этот тип от прочей массы однобазисных структур, хотя в генеративном аспекте (и, пожалуй, также и в генетическом плане) двухбазисная природа таких оборотов вряд ли может оспариваться.⁶

4. Вопрос об односоставности — двусоставности исследуемых конструкций не столь важен. Его решение зависит, разумеется, от кон-

кретной внешней формы, варьирующей по отдельным языкам и подтипам. Там, где сообщаемое содержание обслуживается личной формой глагола *habere*, как и вообще во всех аффирмативных высказываниях, речь идет, как правило, о двусоставных построениях. Наиболее спорными представляются отрицательные предложения с глаголом *esse / habere* (*Мне нечего было читать*, белорусск. *Сеяць няма кому*), хотя и здесь двусоставная трактовка оказывается, на наш взгляд, предпочтительнее односоставной.⁷ В общем — современной синтаксической теории пора бы отказаться от традиционной фетишизации принципиальной дихотомии двусоставный × односоставный. Есть ведь критерии более релевантные.

5. Теперь можно приступить к конкретному освещению формальных эквивалентов по всем славянским языкам, сначала с установкой на некоторые общие сходства и расхождения, а затем в иллюстрации на самом материале.

Общих факторов, предопределяющих формальную сторону данного типа при межславянской дифференциации, оказывается три:

1) Тесная взаимосвязь со способами выражения смысла экзистенции или посиденции (пертивенции) в самых элементарных оборотах вроде: а) мак. *Собрание ќе има*, болг. *Там има (||няма) място*, словен. *Tam ni bilo prostora*, польск. *Zebrawie będzie, Lodu nie ma*, белорусск. *Яны тут ёсць, Нікога няма*; или б) чешск. *Mám tu knihu*, укр. *У неї є дочка || Вона мала одну дочку*, русск. *У меня есть деньги, Ночью мне не было покоя*, сербохорв. *Moj je brat imao lepi knjigu*.

2) Наличие / отсутствие инфинитива как грамматической категории в системе того или другого языка; отсюда вытекают такие особенности большинства южнославянских языков, как-то болг. *Има какво да се пие*, мак. *Нема кој да ора*, сербохорв. *Nije bilo gde da se ode*.

3) Системное место инфинитивных вопросительных предложений с выраженным дательным падежом эффициента или без него. Поэтому в восточнославянских языках, как уже упоминалось, обычны такие предложения, как русск. *Мне нечего было делать* (< *Что мне было делать?*), укр. *Заплатити мені нічим* (< *Чим мені заплатити?*), белорусск. *Падумаць ёй ёсць аб чым* (< *Аб чым ёй падумаць?*).

6. Функциональную дистрибуцию глаголов *esse — habere* применительно к исследуемому типу можно в общих чертах представить в следующем виде:

Болгарский и македонский: повсюду выступает только *habere*.

Сербохорватский: во всех подтипах со значением настоящего времени представлен глагол *habere*, в целом превалирующий у нашего типа.

Польский: дистрибуция обоих глаголов более равномерна.

Чешский, словацкий, как и словенский: роль глагола *habere* немного меньше, нежели в польском — он выступает только в подтипах II и III.

Лужицкие языки: как правило, употребляются разного рода перифразы, отходящие от грамматической структуры исследуемого типа.

Украинский: в общем преобладает *esse*, однако у всех отрицательных подтипов представлены факультативные параллельные конструкции с *habere* (*Мені нічого читати || Мені нема чога читати, Орати нікому || Орати немає кому*).

Белорусский: явно преобладает *esse*, только во всех отрицательных подтипах со значением настоящего времени обязательно появляется *habere* (напр. *Няма чаго рабіць, Сеяць няма кому*).

Русский: везде последовательно выступает глагол *esse*.

6.1. Между польским, украинским и белорусским языками наблюдается здесь — как и в некоторых других местах языковой системы — одна общая изоглосса: значение „поп *esse*“ в форме индикатива настоящего времени передается посредством глагола *habere*: *Nie ma szym zarłacić, Няма чаго рабіць, Нема(є) чога читати* (|| *Нічого читати*), подобно как и в обычных экзистенциальных оборотах вроде: *Takiej możliwości nie ma, Там нічога цікавага няма, Тут нема грібів*.

7. В обобщенном виде любопытно посмотреть на положение в славянских языках также и с точки зрения возможной альтернативы синонимических средств. Наибольшим разнообразием параллельных построений отличается, несомненно, украинский язык; так, содержание „мне нечего читать“ может передаваться следующим образом: *Мені нічого читати* || *У мене нічого читати* || *У мене нема(є) чога читати* || *Мені нема(є) чога читати* || *Я не маю чога читати*. С другой стороны, относительно единогообразии формальной стороны характерно для русского с белорусским, как и для чешского со словацким. Те или другие равнозначные варианты подтипов, впрочем, встречаются в большинстве языков, ср., например, болгарский (*Има какво да пием* || *Имаме какво да пием*), македонский (*Има што да се пие* || *Има што за пиење*), да и белорусский и русский; в последнем языке рядом с системными построениями, содержащими дательный падеж, вроде *Мне нечем топить*, не исключены и стилистические варианты *У меня нечем топить*.

7.1. Необходимо еще добавить, что коммуникативное содержание изучаемого типа „мне нечего читать“ и его подтипов в ряде языков может передаваться с помощью разного рода перифрастических образований. Не все три подтипа в своем основном, структурном виде оказываются одинаково интегрированными в системе того или иного языка. Касается это особенно подтипа II — *Есть кому пахать, Некому было воспитывать меня*. Перифразы типичны, гл. образом, для западных украинских языков славянской территории. Так, например, в чешском (подобно и в словацком) встречается: *Nemá mi kdo pomoci* || *Není (nikdo), kdo by mi pomohl; Neměli jsme se kam schovat* || *Nebylo* (|| *neměli jsme*), *kam bychom se schovali*. Из словенского языка ср. также синтаксические дублеты, как-то: *Ima mi kdo pomagati* (мало обычно) || *So, ki mi lahko pomagajo; Nima mi kdo pomagati* || *Nikogar ni, ki* (|| *da*) *bi mi pomagal*; вместо конструкций подтипа *Imam kaj brati* („читать“), *Nimam kaj brati* появляются также *Imam nekaaj, kar da bi bral, Nimam nič, kar da bi bral*. Польский характеризуется особенно синонимическими оборотами с отглагольным существительным: *Tu niczego nie ma do szukania, Mam coś do czytania, Nie mam nic do czytania*; во II подтипе рядом с редким способом выражения вроде *Ma mi kto pomóc* представлены обороты *Jest ktoś, kto by mi pomógł* || *Mam kogoś, kto...* Наконец, верхнелужицкий и нижнелужицкий языки почти всегда прибегают к всякого рода описательным построениям, среди которых важную роль, как и в польском, играют опять-таки отглагольные существительные; ср., например, верхнелужицкое: *Je (tu) něšto k čitanju, Nimam*

ničo k čitanju, Njebě móžno, nihdže hič, Běše (tu) něchtó, kiž móžeše mje kublač, My njemóžachmy nihdže hič. Обороты с отглагольным существительным представлены, конечно, еще и в некоторых других языках.

8. В заключение считаю целесообразным дать схематический иллюстративный обзор рассматриваемого типа по всем отдельным славянским литературным языкам. Следует еще заметить, что в привлеченных текстах общая численность отрицательных высказываний намного превышает численность положительных высказываний.

Русский:

- I. Есть что читать. Было где переночевать.
Нечего читать. Негде было переночевать.
- II. Есть кому пахать. Смотреть было кому.
Некому пахать. Смотреть было некому.⁸
- III. Мне есть к кому обратиться. Нам будет о чем вспоминать. Было ему где приютиться.
Мне не к кому обратиться. Нам не о чем будет вспоминать. Приютиться ему было негде.

Украинский:

- I. На світі є кого любити. Було що читати.
Заплатити нічим. Нікуди було дітися. // Заплатити нема(є) чим.
Не було куди дітися.
- II. Орати є (// було, буде) кому.
Орати нікому. Сіяти було нікому. // Орати нема(є) кому. Нема (не було) кому запитати.
- III. Мені (// у мене) є що читати. Нам було де сховатися. // Я маю що читати. Вона мала з ким танцювати.
Мені (// у мене) нічого читати. Нам ніде було сховатися. // Мені (// у мене) нема(є) чого читати. // Я не маю чого читати. Вона не мала з ким танцювати.

Белорусский:

- I. Ёсць што чытаць. Па ямах было дзе хавацца і маскіравацца.
Рабіць няма чаго. Слова няма з кім перамавіць. Не будзе ў што і зубы ўвязаць.
- II. Сеяць ёсць каму.
Сеяць няма (не было, не будзе) каму.
- III. Падумаць ёй было аб чым. Мне ёсць што чытаць.
Табе няма тут чаго рабіць. Ёй не было куды дзецца.⁹

Польский:

- I. Jest co jeść. Będzie gdzie nocować.
Nie ma co jeść. Nie było (nie będzie) gdzie nocować.
- II. Ma mi kto pomóc (редко, чаще перифразы).
Nie ma kto sprzątać. Nie miał mi kto poradzić.
- III. Mamu czym zapłacić. Będziemy mieli gdzie nocować.
Nie mamu czym zapłacić. Nie miał o co zacząć ręk. Nie będziemy mieli gdzie nocować.

Словацкий:

- I. Jesto sa na čo žalovať. Bolo kde ísť.
Niet(o) čo čítať. Nebolo kedy sa tou rečou zapodievať.
- II. Má kto orať.
Nemá kto orať. Nemalo ma čo mrziť.
- III. Máme čo robiť. Mali sme kde prenocovať.
Nemám čo čítať. Nebudeme mať kde prenocovať.

Чешский:

- I. Je co pít. Bylo kam jít.
Nebude co pít. Nebylo kam jít.
- II. Má kdo orat. Má tě co mrzet.
Neměl kdo orat. Nemá tě co mrzet.
- III. Měli jsme co číst. Měl se kde schovat.
Neměli jsme co číst. Neměl se kde schovat.

Верхнелужицкий:

- I. Je (tu) něšto k čítanju. // Dawa (dawje) něšto k lazowanju (в народ. речи). Bě móžno (// běše móžno, mějachmy možnosć, móžeše so) něhdže hić.
Njeje (tu) ničo k čítanju. // Njedawa ničo k lazowanju (в народ. речи). Njebudže móć nihdže přenocować. // Njebudže móžno, nihdže přenocować.
- II. Je (tu) něchtó, kiž móže worać. // Dawa (dawje) něchtó, kiž móže worać.
Njeje (tu) nichtó, kiž by worać móhł. // Njedawa (njedawje) nichtó, kiž móže worać.
- III. Mam něšto k čítanju. // Ja mam něšto k čítanju (k lazowanju). My móžachmy (// bě nam móžno, mějachmy možnosć) něhdže hić.
Nimam ničo k čítanju. // Ja nimam ničo k čítanju (k lazowanju). My njemóžachmy nihdže hić. // Njebě (nam) móžno (// njemějachmy móžnosć(e)), nihdže hić.

Нижнелужицкий:

- I. Jo něco k cytanju. // Dajo něco k lazowanjeju (в народ. речи). Mogało jo se niži hyś. // Jo było možno, niži hyś.
Njejo nic k cytanju. // Njedajo nic k lazowanjeju. Njebužo móć niži přenocowaś.
- II. Jo něcht, ako možo woraś. // Dajo někogo, ako možo woraś.
Njejo nicht, ako možo woraś. // Njedajo nikogo, ako možo woraś.
- III. Ja mam něco k cytanju (k lazowanjeju). My smy mogali niži hyś.
Ja njamam nic k cytanju (k lazowanjeju). My njejsmy mogali niži hyś. Njamaśo se za nic źekowaś.

Словенский:

- I. Je (je bilo, bo) kaj brati. Je bilo kam iti.
Ni (ni bilo, ne bo) kaj brati. Ni bilo kam sestiti.
- II. Bo imel kdo gledati nanj. Ima mi kdo pomagati (редко, чаще перифразы).
Ne bo imel kdo gledati nanj. Ni mi imel kdo pomagati.
- III. Imeli so o čem sanjati. Imam kaj brati. Imeli bomo kje prenočiti (редко).
Ni jim imel ničesar povedati. Nisem imel kam iti. Nimamo kje prenočiti (prenočevati).

Сербохорватский:

- I. Ima (bilo je, biće) šta da se čita. Bilo je gde da se ode.
Nema (nije bilo, neće biti) šta da se čita. Nije bilo gde da se ode.
- II. Ima ko (bilo je ko, biće koga/ko) da mi pomogne.
Nema ko (nije bilo ko) da mi pomogne. Nikoga neće biti da mi pomogne.
- III. Imam šta da čitam / čitati. Imali smo gde da noćimo / noćiti.
Nemam šta da čitam / čitati. Nismo imali gde da noćimo / noćiti.

Македонский:

- I. Има што да се пие / за пиење. Имаше кај да се оди.
Нема што да се пие / за пиење. Неќе има (// нема да има) кај да се оди.
- II. Мене има кој да ме брани. Имаше кој да ора.
Мене нема кој да ме брани. Немаше кој да ора.
- III. Ти имаш со што да ораш. Имам (ќе имам) кај да одим.
Немам што да правам. Неќе имам (// нема да имам) кај да одим.

Болгарский:

- I. Има какво да се пие. Имаше кџе да се отиде.
Няма какво да се пие. Нямаше шчо да се прави.
- II. Има кой да се грижи за мене.
Не ще има (// няма да има) кой да се грижи за мене.
- III. Имаме (// има) какво да пием. Другите имаше кџе да се скрият.
Нямаме (// няма) какво да пием. Нямаше кџе да се скрият.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ср. R. Mrázek, *Typologie slovanské jednoduché věty* (сб. Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů v Praze, Praha 1968), стр. 70.
- ² К близкому понятию посессивности см. R. Zimek, *K chápání posesivnosti* (сб. Rusko-české studie, Praha 1960, стр. 131—156).
- ³ J. Zubatý, *Mám co dělati* (Naše řeč VI, 1922, стр. 65—71).
- ⁴ Подробнее этот проект охарактеризован в нашей статье: *Hierarchizace větných typů slovanských spisovných jazyků pro srovnávací syntézu* (Slavica Slovaca 7, 1972, стр. 202—207).
- ⁵ Ср. R. Mrázek, *Slovanské konstrukce typu rus. mne ne spitsja* (сб. Miscellanea linguistica, Ostrava 1971, стр. 119—126).
- ⁶ См. точку зрения, высказанную в литогр. учебных текстах: VI. Hrabě—P. Adamec, *Transformační syntax současně ruštiny I*, Praha 1969, стр. 57—58. Авторы склонны усматривать здесь двухбазисный трансформ, вроде: *У матери есть кто-то, о ком она заботится* → *Матери есть о ком заботиться*.
- ⁷ Так, *Грамматика русского языка* АН СССР, Москва 1954, II/2, относит наш тип к односоставным построениям (стр. 26, 29). Односоставную трактовку его приносит также и *Грамматика современного русского литературного языка* АН СССР, Москва 1970, стр. 565, 569 (почему-то здесь вовсе не отмечается возможность распространения дательным падежом эффициента признака).
- ⁸ Любопытно, что в подтипе II вне контекста может происходить смысловая омонимия, при условии, что глагол будет объектным, управляя дательным падежом без предлога: *Некому писать* = 1) „нет никого, кто мог бы писать“ // 2) „нет адресата, которому можно было бы послать письмо“. Аналогично это касается также и двух остальных восточнославянских языков.
Как известно, наступление нового состояния эксплицитно передается с помощью глагола *стать, становиться*: *Стало нечего пить, Говорить становится не о чем*. Обороты вроде *Нечего ждать их, Нечего смеяться* могут носить побудительный модальный характер или, при констатации, выражают просто значение „что-либо не

и...еет смысла, не стоит делать“. Аналогии встречаются опять-таки в украинском и белорусском.

- ° Белорусский язык в общем сходится здесь с русским, отличаясь от последнего лишь иным словопорядком в связи с тем, что отрицательная частица не сливается с местоимением / наречием (*Не было чаго рабіць*), как и словоформой *няма* в значении отрицания настоящего времени.

SLOVANSKÝ SYNTAKTICKÝ TYP „MNE NEČEGO ČITAŤ“

Pozorujeme zde mezi slovanskými jazyky hlubší rozdíly, které jsou dosti podobné strukturním rozdílům v elementárních konstrukcích vyjadřujících význam posidence a existence. Celkem je nutno rozeznávat 3 podtypy, vždy s afirmativní a negativní variantou: 1) *Есть где сидеть / Негде сидеть*, 2) *Есть кому пахать / Некому пахать*, 3) *Мне есть что читать / Мне нечего читать* (§ 1, 2).

Zkoumá se otázka, kam by popis tohoto typu organicky patřil v transformačně-generativním výkladu syntaxe slovanských jazyků, se zvl. zřetelem ke své hloubkové a povrchové struktuře (§ 3), a zda jde o útvary jednočlenné či dvojčlenné (§ 4).

Formální stránka typu a jeho podtypů závisí od jazyka k jazyku také na tom, zda tu jsou systémově zastoupeny infinitivní jednočlenné konstrukce (jak je tomu např. ve východní slovanštině) a zda tu vůbec infinitiv vystupuje jako morfologická kategorie (§ 5). Zobecněně se podává funkční distribuce sloves *esse — habere* (§ 6) a nastiňuje se i možnost alternace synonymických výrazových prostředků, včetně používání rozmanitých perifrastických útvarů (§ 7).

Závěrem je na konkrétním ilustrativním materiálu ukázáno, jaké jsou základní výrazové ekvivalence uvedených 3 podtypů v každém jednotlivém slovanském jazyce (§ 8).

